вроде, напр., сказочных мотивов, входящих в состав рассказа о юности Олафа у того же Одда,[1] в нем есть некоторые черты, связывающие его, вообще, с историей Руси, как она известна нам по летописи: прежде всего, давно уже отмеченное исследователями отражение в лице жены Вальдамара, Аллогии, и вещей старухи, его матери — одной и той же личности, а именно, княгини Ольги,[2] затем — приурочение самого факта крещения Руси из Греции ко времени Владимира. Эти данные, действительно, могли попасть в Исландию путем устного предания через скандинавов, участников военно-торговых сношений с Русью. Среди целого ряда выводов, сделанных А. И. Лященко в заключении его работы об OsT, правильных по существу, но далеко не новых в научно-исследовательской литературе об этой саге, безусловно ошибочным представляется лишь то, что относится к попытке приурочить пребывание Олафа на Руси ко времени Святослава,[3] и предположение о замене имени этого последнего именем Владимира. В основе хронологических соображений А. И. Лященко есть ошибка, с которой и связываются неверные исчисления. Хронология всей той части OsT Одда, которую можно считать исторической, выяснена и установлена исследователями довольно точно, несмотря на ее большую запутанность; интересующий же нас в данном случае второй русский эпизод саги, как уже сказано, не поддается хронологизации вообще. Весьма вероятно, что Одду пришлось сочинить вторую поездку Олафа на Русь, именно потому, что он знал, что крещение этой страны, с которым ему хотелось связать своего героя, произошло позже его пребывания у Вальдамара в детстве и юности.[4]

По стилю и характеру изложения рассказ Одда о добродетелях, проявленных Олафом в это время его жизни, а также весь второй русский эпизод, относятся у Одда к тем местам, где он дальше всего отступает от исторической саги и приближается к чему-то вроде жития, хотя Олаф и не был официально канонизован. От всех остальных обычных рассказов

[1] См. статьи A. Bugge в Aarb. for nord. Oldkynd. за 1908 и 1910 гг.

[2] Предположение это весьма правдоподобно; его же высказывает и Ф. А. Браун (ук. соч., 177), причем он отмечает близкое сходство характеристики Аллогии в распр. ред. OsT, как «мудрейшей из всех женщин» (allra kuenna vitroszt, Flat., I ,89), чему соответствует и скромное признание Вальдамаром ее превосходства над ним (Flat. 118), и Ольги в Лавр. летописи под 987 г. «. . . Ольга яже бѣ мудрѣиши вьсѣхъ человѣкъ». Впрочем, выражения, вроде kvenna vitrust, kvenna fríðust (т. е. самая прекрасная), и т. п., настолько распространены во всех др.-сев. сагах, что едва ли можно на этом основании сближать именно эти два текста. О возможности отражения в образе Аллогии предания о Рогнеде см. S. H. Cross, ук. соч., 144—145.

[3] То же мы находим еще в 60-х гг. XIX в. у P. Riant, Voyages des Scandinaves en Terre Sainte, 100.

[4] См. S. H. Cross, ук. соч., 146.